

Император Диоклетиан как предтеча византийского самозванчества

Митрофанов Андрей Юрьевич

доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии
Лёвенского католического университета, профессор кафедры церковной
истории Санкт-Петербургской духовной академии, действительный
член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-
Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви
(«Барсовское общество»).

non-recuso-laborem@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Митрофанов А. Ю.* Император Диоклетиан как предтеча
византийского самозванчества // Богослов. 2024. № 2 (2). С. 200–237.

DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2024.2.1.009

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме восприятия римского императора Диоклетиана в христианской литературе в контексте происхождения политической традиции византийского самозванчества. Автор рассматривает приход к власти Диоклетиана и основные этапы его правления. Делаются выводы о социальном характере режима тетрархии, который представлял собой не политический раздел империи, но распределение военного командования в провинциях, о влиянии на политическую теорию и практику Диоклетиана персидской придворной культуры, о политических предпосылках «великого гонения» 303 г., а также о взаимоотношениях Диоклетиана и молодого Константина в период военной службы последнего в комитате Диоклетиана. По мнению автора, Константин принимал участие в персидском походе 298 г. и во взятии Ктесифона вместе с Диоклетианом и Галерием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Диоклетиан, Галерий, Констанций Хлор, Константин, тетрархия, Лактанций, Евсевий

Scelerum inventor et malorum machinator...¹

ὁ κατ' ἐκεῖνο καιροῦ παρὰ τοῖς Ῥωμαίων
αὐτοκράτορσιν ἔχων τὰ πρωτεῖα,
δειλαιος, ἀληθῶς δειλαιος, πλάνη τὴν ψυχὴν
ἠπατημένος...².

Рубеж III–IV вв. стал в истории Римского государства переломной эпохой, когда военные узурпации, характерные для так называемого кризиса III в., стали повседневной реальностью жизни провинциалов и когда в результате реформ очередного узурпатора — императора Диоклетиана (284–305) — римские военные, политические и религиозные институты претерпели значительные, если не судьбоносные, изменения³. Проблема феномена военных узурпаций в поздней Римской империи представляется ключевой как для понимания специфики политического развития позднеримского общества, так и для изучения системы домината, которая была заложена Диоклетианом в основу нового политического устройства Римской империи и которая была в значительной степени унаследована средневековой Византией⁴. В данной статье мы попытаемся рассмотреть специфику феномена военной узурпации в эпоху императора Диоклетиана в связи с сакрализацией Диоклетианом собственной узурпации. Это позволит нам лучше понять влияние политической идеологии Диоклетиана как на дальнейшее развитие позднеримской и византийской политической системы, так и на появление византийского самозванчества.

¹ «Изобретатель злодейств и вершитель бедствий», — так называет Диоклетиана его современник Лактанций [Lact. de morte persec. VII, 1].

² «Один, имевший в то время первенство среди римских автократоров, жалкий, истинно жалкий, и заблудший душой человек», — Константин о Диоклетиане [Euseb. VC II. 51].

³ *Neri V.* Usurpatore come tiranno nel lessico politico della tarda antichità // *Usurpationen in der Spätantike: Akten des Kolloquiums «Staatsstreich und Staatlichkeit»* / Hrsg. v. F. Paschoud, J. Szidat. Stuttgart: Franz Steiner. 1997. P. 71–86; *Paschoud F.* Le tyran fantasmé: variations de l'*Histoire Auguste* sur le thème de l'usurpation // *Ibid.* P. 87–98; *Delmaire R.* Les usurpateurs du Bas-Empire et le recrutement des fonctionnaires (Essai de réflexion sur les assises du pouvoir et leurs limites) // *Ibid.* P. 111–126.

⁴ *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Oxford. 1964. Vol. 1. P. 37–76, 315–317.

Главным событием, предопределившим характер правопреемства власти в Римской империи в первой половине 280-х годов, стала очередная персидская кампания. Истоки этой кампании следует искать в событиях, связанных с восточной политикой императора Аврелиана (270–275). Покорение в 272–273 гг. Пальмирского царства и пленение Аврелианом пальмирской царицы Зенобии (Зубейды) (267–273), которую провели в триумфе на римском форуме, не только позволило римлянам вновь стать властителями эллинистического Востока, не только привело к восстановлению старой восточной границы империи, но и продемонстрировало персам могущество римлян и их военные возможности. Пальмирское царство, созданное Оденатом, было в ходе молниеносной кампании аннексировано Римом. Автор биографии Аврелиана оставил впечатляющее описание его триумфа: «Там было три царские колесницы; из них одна — колесница Одената, отделанная и разукрашенная серебром, золотом и драгоценными камнями; вторая — присланная персидским царем в подарок Аврелиану, такой же искусной работы; третья — которую сделала для себя Зенобия, надеясь вступить в ней в город Рим. И в этом она не ошиблась: вместе с ней она вошла в Рим побежденная, в чужом триумфе» (*Currus regit tres fuerunt, in his unus Odenati, argento, auro, gemmis operosus atque distinctus, alter, quem rex Persarum Aureliano dono dedit, ipse quoque pari opere fabricatus, tertius, quem sibi Zenobia composuerat sperans se urbem Romam cum eo visuram; quod illam non sefellit, nam cum eo urbem ingressa est victa et triumphata*) [SHA *divus Aurelianus* XXXIII, 2].

Маловероятно, что Зенобия в действительности рассчитывала перенести военные действия в Италию. Ее стратегия была сугубо оборонительной. Однако сообщение о подарке Аврелиану сасанидского шаха Бахрама I (273–276) имеет большое значение, ибо демонстрирует стремление шаха задобрить римского императора и не ввязываться в войну с Римом после краха Пальмиры.

При Аврелиане Диоклетиан уже служил в армии и, возможно, участвовал в пальмирской кампании, которая стала для него хорошей военной школой. Не исключено, что опыт военной службы под командованием Аврелиана впоследствии побудил Диоклетиана (как и его предшественника Проба)

подражать победителю Пальмиры и разыскивать индийский пурпур для изготовления императорской порфиры [SHA *divus Aurelianus* XXIX, 3]. Аврелиан много сделал для подготовки будущего домината. Как сообщает современник Аврелиана греческий историк Дексипп, после победы над ютунгами Аврелиан ждал от них посланников для заключения мира: «По прибытии посланников Аврелиан дал им знать, что он на следующий день займется предметом, по которому они приехали. Затем он выстроил войско в боевой порядок, желая этим произвести сильное впечатление на ютунгов. Когда он доволен был стройностью войска, то, облеченный в порфиру, взошел на высокий помост и построил войско кругом себя полумесяцем. Тут предстояли верхом на конях все те, которые имели при императоре какое-либо начальство. За ним были знамена собранного войска. Это золотые орлы, изображения императорские и списки легионов, начертанные золотыми буквами. Все эти знаки были высоко подняты на высеребрённых древках копий» [Dexipp. *Fragn.* 22, пер. Г. С. Дестуниса]. Безусловно, подобный военный церемониал надолго оставался в памяти варварских племен. По свидетельству Псевдо-Аврелия Виктора, Аврелиан стал первым римским императором, который увенчал себя золотой диадемой с драгоценными камнями, что прежде было римлянам совершенно чуждо [Ps. *Aur. Vict.* XXXV, 5]. Антонинианы Аврелиана демонстрируют нам его портрет в подобной диадеме. Образ Аврелиана как первого увенчанного диадемой императора, шедшего в бой впереди своих легионов и вексилляций, мог прочно запечатлеться в памяти жителей Галлии, где Аврелиан основал новый город для своих ветеранов — *Augusta Aurelianorum* (Орлеан), и с течением веков трансформироваться в короля Артура, объединяющего рыцарей Круглого стола. Впрочем, зубчатая диадема появляется уже на монетах императора Гордиана III (238–244)⁵, заменяя собой классический лавровый венок эпохи принципата. Вероятно, Аврелиан просто следовал новой традиции, установившейся во второй четверти III века.

Источники по истории краткого, но насыщенного важными политическими событиями правления Аврелиана достаточно

⁵ RIC IV. 3 Gordianus III 2 (C).

фрагментарны⁶. Благодаря нумизматическим памятникам нам известно, что незадолго до своего провозглашения Аврелиан женился на красавице римлянке Ульпии Северине, которая отличалась независимым и властным характером. Антонинианы с изображением Ульпии Северины содержат ее титул — *mater castrorum et senatus et patriae*, который повторяет старинный титул римских императриц из дома Северов. Ульпия Северина, возможно, была дочерью сенатора Ульпия Кринита, бывшего, согласно семейной традиции, потомком императора Траяна (98–117) [SHA *divus Aurelianus* XIV, 4 — XV, 2]. Подобный брак, без сомнения, упрочил положение талантливого кавалерийского военачальника из провинции в космополитической столице империи. Впрочем, существует иная версия, согласно которой Ульпия Северина была дочерью императора Филиппа Аравитянина (244–249) и его жены Марции Отацилии Северы. Эта версия может быть подтверждена участием Аврелиана в делах Антиохийской Церкви, которое выразилось в смещении им в 272 г. с антиохийской кафедры епископа Павла Самосатского [Euseb. HE VII. 30. 19; Zon. et Bals. Conc. Antioch. Praef.]. Язычник Аврелиан мог интересоваться проблемами христианской церкви под влиянием жены, которая вполне могла сочувствовать христианам, если она действительно была дочерью Филиппа Аравитянина. При этом, смещая Павла Самосатского, Аврелиан мог преследовать также сугубо политические цели, ибо в период существования Пальмирского царства Павел Самосатский пользовался покровительством Зенобии. Автор биографии Аврелиана рассказывает анекдот, согласно которому как-то раз императрица Ульпия Северина попросила мужа подарить ей порфиновый греческий плащ из шелка. Аврелиан отказался, заявив ей: «Да не будет того, чтобы нитки ценились на вес золота» (*absit ut auro fila pensentur*), так как фунт шелка стоил в тот период фунта золота [SHA *divus Aurelianus* XLV, 5]. Золото как металл, напоминающий своим блеском сияние солнечного диска, воспринимался Аврелианом как сакральное вещество. Аврелиан объявил культ Непобедимого Солнца государственным культом империи, а сам стал его верховным

⁶ Watson A. *Aurelian and the Third Century*. London; New York, 1999. P. 23–56; Homo L. *Essai sur le règne de l'empereur Aurélien (270–275)*. Paris, 1904. P. 1–23.

жрецом, распуская слухи, будто жрицей Непобедимого Солнце уже была его мать [SHA *divus Aurelianus IV*, 2]. Он приказал восстановить храм Солнца, разграбленный орлоносцами и музыкантами третьего легиона в разоренной Пальмире [SHA *divus Aurelianus XXXI*, 7].

Спустя восемь лет после убийства Аврелиана, который, по справедливому замечанию Ю. А. Соколова, должен быть признан одним из наиболее выдающихся римских полководцев периода империи⁷, армия Марка Аврелия Кара (282–283) в 283 г. совершила успешное вторжение во владения сасанидских шахов и дошла до самого Ктесифона. Римляне захватили сасанидскую столицу, взяв реванш за многочисленные поражения середины III века, в первую очередь за пленение и унижение Валериана (253–260). К сожалению, источники не сохранили никаких подробностей, связанных с персидским походом Марка Аврелия Кара. Успех этого похода был во многом обусловлен внутренней борьбой за власть, которая происходила в это время в сасанидском Иране между шахом Бахрамом II (276–293), сторонником зороастрийской ортодоксии, и его братом Хормиздом I Кушаншахом (275–300), который опирался на помощь кушан и почитал индийских богов: Оешо (Шива) и Нанди. Впрочем, вполне возможно, что Оешо, изображения которого чеканились на монетах Хормизда I Кушаншаха, не был простой репрезентацией индийского Шивы, но представлял собой форму почитания Геракла или Посейдона, которое существовало еще в эллинистической Бактрии⁸.

Евсевий Кесарийский в толковании на Книгу пророка Исайи оставил описание разоренного Вавилона, на развалинах которого ставят шатры и пасут скот арабы [Euseb. ad *Isaiam XIII*. 19–20]. Сам Евсевий в Вавилоне никогда не был, но зато на развалинах Вавилона в свое время побывал Константин Великий, от которого Евсевий и узнал подробности тамошнего арабского быта. Как полагает Тимоти Барнс, впервые Константин посетил руины древней столицы в детстве, когда сопровождал свою

⁷ Соколов Ю. А. Империя и христианство: Римский мир на рубеже III–IV веков. Последние гонения на христиан и Миланский эдикт. СПб., Издательство СПбДА. 2014.

⁸ Cribb J. The Kushan pantheon, in *Gandhara: The Buddhist Heritage of Pakistan: Legends, Monasteries and Paradise*, by C. Luczanits. Mainz. 2008. P. 122–125.

мать Елену, конкубину Констанция Хлора [Euseb. Chron. 310], в обозе армии императора Марка Аврелия Кара⁹.

Однако загадочная гибель Марка Аврелия Кара не позволила римлянам развить успех. Аврелий Виктор и писатели «Истории Августов» — авторы второй половины IV в., то есть, мягко говоря, очень поздние авторы — сообщают со ссылкой на некоего Юлия Кальпурния (SHA) о том, что в июле 283 г. вскоре после захвата сасанидской столицы Марк Аврелий Кар был убит мощным ударом молнии, причем от удара сгорела даже императорская палатка [Aug. Vict. XXXVIII; SHA Carus, Carinus, Numerianus VIII. 4–7]. Вероятнее всего, за этим эпическим рассказом скрывается очередной военный переворот, столь типичный для римской истории в период кризиса III века, участники которого по каким-то причинам предпочли остаться в тени. Не исключено также, что Марк Аврелий Кар был сражен горящей стрелой, выпущенной персидским конным лучником, что и послужило основой для легенды о молнии. Вскоре после убийства Марка Аврелия Кара его сын и наследник Нумериан (283–284) разделил трагическую участь своего отца и его многочисленных предшественников из числа так называемых «солдатских» императоров. Как сообщают уже упомянутые источники, юный Нумериан, отличавшийся благородством характера и серьезным образованием, во время возвращения римской армии из персидского похода в ноябре 284 г. был зарезан собственным тестем, префектом претория Аррием Апром вскоре после прохождения армии через Эмесу (Хомс) — родину знаменитых императриц из династии Северов: Юлии Домны, Юлии Соэмии и Юлии Маммеи [Cass. Dio LXXIX: 30, 2–4; Herodian. V. 3. 2–3; SHA Macrinus IX. 1–6]¹⁰.

Согласно официальной версии, изложенной Аврелием Виктором и мифическим Флавием Вописком Сиракузянином — одним из мнимых авторов «Истории Августов», Аррий Апр умертвил зятя, а затем прятал труп Нумериана в императорском паланкине во время марша, ссылаясь на то, что император

⁹ Barnes Th. D. Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. P. 52.

¹⁰ Kittenhofer E. Die syrischen Augustae in der historischen Überlieferung // Ein Beitrag zum Problem der Orientalisierung. Bonn. 1971; Turton G. The Syrian Princesses. The Women who ruled Rome, AD 193–235. L. 1974.

не показывается солдатам из-за обострившейся болезни глаз [Aur. Vict. XXXVIII. 6–8; SHA Carus, Carinus, Numerianus XII]. Впрочем, вполне возможно, что Апр в действительности не был причастен к смерти Нумериана, а история его убийства является частью официальной пропаганды времен Диоклетиана, пытавшейся оправдать последующую узурпацию Диоклетианом верховной власти. Как бы там ни было, трупный запах из палатки Нумериана вскоре открыл солдатам реальное положение вещей. Аррий Апр был обвинен в убийстве Нумериана, а разбушевавшиеся солдаты провозгласили императором известного офицера и участника персидской кампании по имени Валерий Диокл, который принял новое имя Диоклетиан¹¹. Этот офицер не обладал знатным происхождением, был родом из далматинского города Диоклея и происходил из семьи вольноотпущенника сенатора Анулина [Ps. Aur. Vict. XXXIX] или же был сыном писца [Eutr. IX. 19. 2]. Имя Диокл встречается в демотических текстах на папирусах, что может свидетельствовать о египетском, точнее коптском происхождении Диоклетиана.

При этом, по-видимому, Диокл был талантливым и популярным полевым командиром. Он немедленно арестовал Апра и собственноручно заколол его мечом. Поспешная расправа над Апром, возможно, является красноречивым свидетельством причастности Диоклетиана к смерти Нумериана, ибо Диоклетиан — талантливый офицер, начавший военную службу еще при Аврелиане, несомненно, мог опираться на симпатии солдат в большей степени, чем юный Нумериан. Диоклетиан вполне мог организовать физическое устранение Нумериана, возможно, посредством отравления, чтобы самому добыть императорскую порфиру. Это предположение подтверждает особая клятва в непричастности к убийству Нумериана, которую, по свидетельству Евсевия, Диоклетиан принес перед солдатами [Euseb. Chron. 288]. Если подобное предположение справедливо, в таком случае полумифический рассказ источников о гибели Марка Аврелия Кара от удара молнии в окрестностях Ктесифона также может быть не более чем элементом придворной пропаганды сторонников Диоклетиана, которые

---

¹¹ Barnes T. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge: Harvard University Press, 1982. P. 3–90.

пытались скрыть от современников реальную картину событий, сопровождавших приход Диоклетиана к власти.

Пропаганда Диоклетиана неплохо отражена в «Истории Августов», где рассказывается легенда, которую якобы распространял сам Диоклетиан. Согласно этой легенде, в период военной службы Диоклетиана в Галлии некая друидисса предсказала ему в харчевне города Тонгерена¹², что он станет императором после того, как «убьет кабана» [НА Carus, Carinus, Numerianus XIV, 2–3]. Как отмечал Жорж Дюмезиль, закалывание кабанчика в древнеримской религии было составной частью ритуала фециалов и представляло собой один из важных элементов культа Юпитера¹³, который Диоклетиан всячески поддерживал после своего прихода к власти и с которым он себя прочно связывал. Закалывание кабанчика упоминается Титом Ливием в рассказе о договоре царя Тулла Гостилия с альбанцами как гарантия нерушимости договора: «*ut ego hunc porcum hic hodie feriam*» [Tit. Liv. I. 24. 8]. Древнеримское общество, подобно обществу древних галлов или индоариев, длительное время сохраняло наиболее архаические ритуалы даже тогда, когда мифологический смысл этих ритуалов был давно забыт, что связано, по мнению Жоржа Дюмезиля и ряда других исследователей древнеримской религии, с существованием у римлян, так же как у галлов или у индоарийских племен, профессиональной жреческой корпорации — коллегии понтификов¹⁴. С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что пропаганда Диоклетиана стала использовать для легитимизации и сакрализации его узурпации мотивы древнейшего ритуала фециалов. Для современников подобная политика уже представлялась странной, ибо образованное позднеримское общество было пропитано в это время духом религиозного синкретизма, где культ Митры и Непобедимого Солнца, манихейство и, наконец, христианство пользовались несравненно большей популярностью, чем отжившие свой век олимпийские обитатели и тем более чем полузабытые персонажи древнеримской мифологии. Тертуллиан (160–220) отмечал сильное влияние культа Митры

¹² Тонгерен — город в современной Бельгии, провинция Лимбург.

¹³ Dumézil G. La religion romaine archaïque avec un appendice sur la religion des Étrusques. Paris, 1974. P. 58.

¹⁴ Ibid. P. 95–97.

на римских солдат в его эпоху: «И если я еще помню, Митра чертит там знаки на лбах своих солдат, празднует он и приношение хлеба, представляет образ воскресения и под мечом носит венок» [Tert. De praescr. XL. 4].

Вместе с тем командование римской армии было в целом более консервативно, чем солдатская масса, и несмотря на чрезвычайную популярность среди солдат и офицеров культа Митры и связанного с митраизмом почитания Непобедимого Солнца, ставшего при Аврелиане даже официальным культом, древняя римская религия еще долго сохраняла в армии свои позиции¹⁵. Диоклетиан, несомненно, учитывал это обстоятельство в своей религиозной политике. Популярность древней римской религии в армейской среде побуждала солдат активно использовать сюжеты, связанные с богами римского пантеона или с Троянским циклом, в воинской символике, в частности заказывать изображения подобных сюжетов при изготовлении предметов церемониального и турнирного вооружения, которые в большом количестве сохранились вкладах III в. на территории Лимеса. Причем, как следует из изобразительных источников, элементы вооружения — доспехи, поножи, щиты, украшенные изображениями с мифологическими сюжетами, продолжали активно использоваться и после официальной христианизации Римской империи в IV–V вв., а в Восточно-Римской империи, возможно, и в VI в.¹⁶

Как же Диоклетиан, сам бывший узурпатором и боровшийся против других узурпаторов, пытался обосновать легитимность своего правления? Еще в период диархии Диоклетиан объявил себя эманацией Юпитера, приказал по свидетельству Аврелия Виктора называть себя господом и богом [Aur. Vict. XXXIX. 4]. В историографии общим местом стало предположение о том, что Диоклетиан попытался придать древнеримскому культу Юпитера характер официальной идеологии, отбросив популярный в армии митраизм и связанный с митраизмом культ Непобедимого Солнца, объявленный при Аврелиане

¹⁵ *Kemkes M., Willburger N.* Der Soldat und die Götter. Römische Religion am Limes. Esslingen am Neckar, 2004. S. 42–116; *Hensen A.* Mithras. Der Mysterienkult an Limes, Rhein und Donau. Darmstadt, 2013. S. 8–86.

¹⁶ *Негин А. Е.* Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб., 2010. С. 191–209.

государственным культом. И хотя культ Непобедимого Солнца оставался официальной идеологией некоторых тетрархов, например Констанция Хлора и его сына Константина, Диоклетиан везде демонстрировал возвращение к древнеримской религии, связывая себя с культом Юпитера, в то время как сослуживец и соправитель Диоклетиана, Максимиан Геркулий, объявил себя эманацией Геркулеса.

Скептическое отношение Диоклетиана к культу Непобедимого Солнца было, по-видимому, связано с его личным отношением к Аврелиану, под командованием которого он когда-то служил. Префект претория Юлий Асклепиодот, в частности, рассказывал, что Диоклетиан укорял своего соправителя Максимиана Геркулия за свирепость и не раз повторял, что Аврелиану следовало бы скорее быть полководцем, а не императором. Диоклетиану не нравилась чрезмерная жестокость Аврелиана [SHA divus Aurelianus XLIV, 2]. Как отмечает автор биографии Аврелиана, ссылаясь на своего отца, Диоклетиан рассказывал уже после своей отставки, что «нет ничего более трудного, чем быть хорошим императором. Собираются четверо-пятеро человек, договариваются между собой обманывать императора и подсказывают ему, что он должен утвердить. Император, запертый в своем доме, не знает истины. Он вынужден знать только то, что говорят ему эти люди; он назначает судьями тех, кого не следовало бы назначать, отстраняет от государственных дел тех, кого он должен был бы привлекать... хорошего, осторожного, превосходного государя продают за деньги» (*nihil esse difficilius quam bene imperare. Colligunt se quattuor vel quinque atque unum consilium ad decipiendum imperatorem capiunt, dicunt, quid probandum sit. Imperator, qui domi clausus est, vera non novit. Cogitur hoc tantum scire, quod illi loquuntur, facit iudices, quos fieri non oportet, amovet a re publica, quos debeat optinere... bonus, cautus, optimus venditur imperator*) [SHA divus Aurelianus XLIII, 2–4]. Не исключено, что подобная политическая философия Диоклетиана стала следствием его понимания ошибочности своей политики, связанной с гонениями на христиан и покровительством Галерию. Однако факты свидетельствуют о том, что в начале своего правления Диоклетиан действовал весьма авторитарно и стремился к максимальному усилению личной власти.

Диоклетиан разорвал с сенатом, продемонстрировав, что обязан своей властью божеству, а не сенаторам, и установил при дворе сложный церемониал адорации императора, заимствованный у сасанидских шахов [Pan. Lat. III. 11. 1–2; Euseb. Chron. 296]. Он одевался в пышные одежды, украшенные драгоценными камнями [Aur. Vict. XXXIX. 2; Eutr. IX. 26]. Диоклетиан построил в Никомедии Большой дворец, где находился его двор и где после победы над Лицинием в 324 г. поселился Константин [Socr. Schol. HE I. 6]. При этом в правление Диоклетиана до рокового 303 г. в армии и при дворе постоянно увеличивалось количество христиан, о чем будет сказано ниже.

Как известно, вскоре после своего провозглашения императором Диоклетиан столкнулся с сопротивлением западных провинций, которые сохраняли верность брату Нумериана — Карину (283–285), управлявшему западной половиной империи. Отчасти подобная верность могла быть обусловлена происхождением Марка Аврелия Кара — отца Нумериана и Карина, который в отличие от иллирийца Диоклетиана был уроженцем Нарбоннской Галлии. Незадолго до гибели Нумериана Карин совершил военный поход в Британию, где в борьбе против франкских пиратов и диких каледонцев покрыл себя неуязвимой славой. Об этом писал современник событий, поэт Олимпий Немезиан. Однако режим Карина в западных провинциях не был прочным. После получения известий о гибели Нумериана, примерно в начале 285 г. против Карина поднял мятеж префект претория Сабин Юлиан, управлявший Италией в отсутствие императора. Вновь, как это уже неоднократно бывало на протяжении трагического III в., императорская порфира становилась игрушкой в руках того или иного полевого командира, обладавшего сколько-нибудь значительной популярностью у солдат. Как отмечает Евнапий, рассказ которого через историю Зосима дошел до нас в изложении Иоанна Антиохийского, Сабин Юлиан был провозглашен императором командирами воинских частей, то есть, вероятно, в том числе и преторианской гвардией [Zosim. I. 73].

Узнав о мятеже, Карин был вынужден срочно возвращаться из Британии в Галлию. Восстановление хронологии начавшейся ширококомасштабной гражданской войны представляет собой чрезвычайно сложную задачу, однако, вероятнее

всего, Карин со своими ауксилиями и вексилляциями перешел Альпы весной 285 г., в то время как Диоклетиан во главе восточной армии уже установил контроль над Сирией и Египтом. Источники, сообщающие нам о ходе боевых действий, весьма скудны, однако точно известно, что пока Диоклетиан собирал войска, задействованные во время войны с персами, для похода на Запад, Карин атаковал войска Сабина Юлиана под Вероной, недалеко от тех мест, где в 69 г. сражались между собой легионы Вителлия (69) и Веспасиана (69–79). Сабин Юлиан был совершенно разбит и, по-видимому, погиб. Однако в это же время, возможно, еще до битвы под Вероной, в Паннонии поднял мятеж корректор Венетии и Истрии Марк Аврелий Юлиан. Несмотря на то что Аврелий Виктор и Евнапий, рассказ которого сохранил нам Зосим, по-видимому отождествляют Марка Аврелия Юлиана с Сабиним Юлианом, золотые антонинианы Марка Аврелия Юлиана, отчеканенные на монетном дворе в Сисции¹⁷, свидетельствуют о том, что в период битвы под Вероной между Кариним и Сабиним Юлианом новый узурпатор уже контролировал паннонские провинции и был там провозглашен императором. Карин со своими британскими ветеранами стремительно вторгся в Иллирию, вероятно сразу же после победы под Вероной, и разбил войска Марка Аврелия Юлиана прежде, чем тот успел собрать все свои силы. Паннонский император был схвачен и незамедлительно казнен. Вероятно, к этому моменту восточная армия Диоклетиана уже переправилась через Босфор у Византии и установила контроль над Фракией.

Остаток весны 285 г. прошел во взаимных приготовлениях главных соперников — Диоклетиана и Карина — к решающей схватке. Официальная пропаганда Диоклетиана, отразившаяся на страницах «Истории Августов», не жалеет красок для того, чтобы живописать все пороки, в которых погряз Карин. Однако несмотря на различные интимные подробности правления Карина, которые смаковали придворные подхалимы Диоклетиана, совершенно ясно, что Карин оставался весьма опасным противником. В июне 285 г. начались активные бое-

¹⁷ Thorsten F. J. I. von Pannonien. Überlegungen zu Chronologie und Münzprägung // Geldgeschichtliche Nachrichten. 2003. № 212. S. 61–64; *Margetić D., Margetić D.* Antoninijani Julijana Panonskoga // Numizmatičke Vijesti. 2010. 63. P. 10–38.

вые действия в Мезии, и спустя месяц, примерно в середине июля, армии Диоклетиана и Карина наконец сошлись в битве на реке Марг (Морава). Как сообщает Аврелий Виктор, в ходе сражения удача стала склоняться на сторону Карина, который, вероятно, бросил против Диоклетиана своих закаленных британских ветеранов и германские ауксиллии. Однако в разгар битвы, когда солдаты Диоклетиана уже обратились в бегство, часть подразделений Карина внезапно перекинулась на сторону Диоклетиана [Aur. Vict. XXXIX]. Евтропий отмечает лишь, что Карин имел преимущество в численности войск, однако был оставлен своими войсками в районе Виминация и Золотой горы [Eutr. XX. 2]. В результате Карин был покинут своими солдатами и убит одним из офицеров, жену которого Карин некогда обесчестил. Не исключено, что рассказ о том, что Карин пал жертвой предательства, подобно Помпею несмотря на то, что его армия уже побеждала или во всяком случае имела численное превосходство над противником, содержит следы утраченной литературной традиции, враждебной Диоклетиану, с которой, однако, были знакомы Аврелий Виктор и Евтропий.

После победы над Кариним Диоклетиан столкнулся с целым комплексом внутренних и внешних проблем, которые стали следствием гражданской войны. По завершении братоубийственной войны Диоклетиан стремился к гражданскому примирению и поэтому не стал подвергать репрессиям бывших сторонников Карина. Однако вскоре после битвы при Марге, вероятно, во второй половине 285 г., дунайская граница империи была атакована многочисленными конными дружинами сарматов, в первую очередь аланов. Диоклетиан был вынужден остаться вместе с войсками на Дунае для борьбы с сарматами, которая продлилась до лета-осени 289 г. Как отмечает римский историк IV в. Аммиан Марцеллин, Диоклетиан переселился в Паннонию карпов — варварское племя неясного происхождения, возможно германского, дакийского или даже протославянского, которое использовалось римлянами в качестве федератов для прикрытия дунайской границы [Amm. Marc. XXVIII. 1. 5].

Для более успешной защиты границ империи от варваров Диоклетиан еще в 285 г. разделил военное командование и провозгласил цезарем Максимиана Геркулия — старого боевого

товарища, вместе с которым он, по свидетельству Аврелия Виктора, начинал военную службу еще при Аврелиане и Пробе (276–282) [Aur. Vict. XXXIX. 28]. Диоклетиан возглавил войска на Дунае, а Максимиан, получивший в следующем, 286 г. титул августа, получил задачу навести порядок в Галлии. В 290 г. Диоклетиан воевал в Сирии против арабских племен.

В период диархии, продолжавшийся с 286 по 293 г., Диоклетиан и Максимиан периодически действовали сообща на поле боя. Неслучайно летом 291 г. в Августе Тревириков (Трире) Мамертин — автор панегирика, адресованного Максимиану и Диоклетиану, восхищался совместным переходом Диоклетиана и Максимиана вместе с войсками через Альпы в январе 291 г., два года спустя после завершения военной кампании против аламаннов в Реции (288 г.). Мамертин противопоставлял этот счастливый переход через Альпы и вступление императоров в Медиолан грозному для римлян альпийскому походу Ганнибала во время Второй Пунической войны [Pan. Lat. III. 2. 3; III. 9. 3].

Диоклетиан возложил на Максимиана сложную и ответственную задачу. Ситуация, сложившаяся в Галлии в начале диархии, была чрезвычайно напряженной из-за восстания багаудов. О характере этого восстания известно крайне немного. Мятеж галлов против римской власти начался еще в 283 г. при Марке Аврелии Каре и охватил сельские районы преимущественно на территориях Лугдунской Галлии, Арморики и Бельгики. В 286 г. лидерами восстания стали некие Аманд и Элиан, провозглашенные императорами. Согласно средневековому источнику XI в., логово мятежников находилось в старинной крепости на реке Марна, чуть ниже слияния Марны с Сеной. Крепость эта была построена еще Цезарем и позволяла контролировать мост через Марну, была окружена рвом и высокой каменной стеной [Vita S. Baboleni, P. 569]. Очевидно, что большую роль в восстании помимо рабов, колонов и деклассированных элементов¹⁸ играли римские ветераны. Багауды, по-видимому, обладали хорошей конницей, которой традиционно славилась Галлия. Эта конница умело маневрировала, нападала на виллы

---

¹⁸ Дмитриев А. Д. Движение багаудов // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 101–114.

и опорные пункты римлян, действовала на коммуникациях римских карательных отрядов. Возможно, лидеры восстания, упомянутые Аманд и Элиан, имели опыт военной службы в армии «галльских» императоров Постума (260–269) и Викторина (269–271) и опирались на традиции «галльской» империи. Этим, вероятно, объясняются многочисленные успехи восставших и размах мятежа, который будет тлеть в Галлии много десятилетий спустя после гибели Аманды и Элиана (около 287 г.) и разгорится с новой силой в начале V в.

Максимиан в 286 г. контролировал исключительно крупные города, в то время как багауды орудовали на дорогах и прятались в лесах. Вероятно, багауды опирались также на известную поддержку старой галльской аристократии, особенно в Арморике, где римское влияние было сравнительно слабым и где были еще живы предания о борьбе галлов против Цезаря.

В период тяжелой борьбы Максимиана с багаудами в 286–287 гг. сумел выдвинуться талантливый римский офицер, менап по происхождению, по имени Караузий. Он с юных лет хорошо знал искусство мореплавания и был назначен Максимианом на должность командующего военным флотом, который, по сообщению Мамертина, был построен Максимианом для борьбы против багаудов и франкских пиратов впервые спустя много веков [Pan. Lat. III. 7. 2; III. 19. 4–5]. В это время главной угрозой для галло-римских городов, расположенных вдоль крупных рек, таких как Лигер (Луара) и Сена, например для Ротомага (Руана), Лютеции (Парижа) и Аврелиана (Орлеана), помимо багаудов становятся франкские пираты. Эти пираты во главе со своими конунгами составляли целые флотилии где-то в районе Шельды и, пользуясь отсутствием какого-либо противодействия со стороны римлян, подобно викингам будущих веков, регулярно опустошали галльское побережье. В период военной анархии, которая сопровождала мятеж Постума и появление в 260-х гг. «галльской» империи, франки доходили на своих ладьях до побережья Испании, где некоторым франкским вождам удалось закрепиться на побережье Тарраконской Испании, обосноваться там и терроризировать пиратскими набегами побережья Бетики и Нарбоннской Галлии. На рубеже 270–280-х гг. с франкскими пиратами безуспешно пытался бороться Проб.

Однако франки оставались наряду с багаудами основной угрозой мирному существованию римской Галлии.

Отличившись в борьбе с багаудами, Караузий как командующий римским флотом неожиданно для Максимиана заключил союз с франкскими пиратами и, удвоив таким образом свои военно-морские силы, примерно в 286 г. захватил Гезориак (Булонь) [Pan. Lat. IV, 6]. Затем флот Караузия поднялся вверх по Сене и овладел Ротомагом (Руаном). В Ротомаге Караузий был провозглашен императором Галлии. Гавани, расположенные вдоль южного побережья Британии, были очень скоро захвачены капитанами Караузия, которые распространили власть нового узурпатора на Лондинию, а затем и на Эборак (Йорк). Вскоре Караузий начал чеканить собственные монеты, на которых профиль новоиспеченного императора в лавровом венке, подобно профилю паннонского узурпатора Марка Аврелия Юлиана, воспроизводил старинную иконографию династии Северов и противопоставлял его «солдатским» императорам, к числу которых сторонники Караузия относили и Диоклетиана с Максимианом. Максимиан, вынужденный бороться с багаудами и одновременно отражать регулярные набеги аламаннов на Рейне, согласился на переговоры с Караузием, заключил с ним договор и признал мятежника императором Галлии. Возможно, этот договор позволил Максимиану развязать себе руки в Галлии, форсировать Рейн и нанести ряд поражений аламаннам на их территории в 287 г. Только в 293 г. Максимиан получил санкцию Диоклетиана на то, чтобы перебросить подразделения рейнской армии обратно в Галлию и задействовать их в борьбе против Караузия. Во главе этих подразделений находился молодой и энергичный офицер из Иллирии, почти что земляк Диоклетиана и Максимиана, при Аврелиане принимавший участие в покорении Пальмиры, затем в персидском походе Марка Аврелия Кара и в гражданской войне между Каринном и Диоклетианом на стороне последнего. Этим офицером был знаменитый Констанций Хлор, ставший в 289 г. префектом претория Галлии.

Констанций Хлор в начале 290-х гг. уже отличился в ходе боевых действий на Рейне и в Галлии, в частности под Лангром, где успешно разгромил шестьдесят тысяч вторгшихся в Галлию аламаннов [Eutr. IX. 23]. В ходе кампании против аламаннов

Констанций Хлор проявил недюжинную отвагу. Первоначально аламанны сумели разбить небольшой передовой отряд Констанция, и префект был вынужден скрываться от неприятеля. Под покровом ночи он был поднят при помощи веревки на городские стены и там в течение пяти часов дождался подкреплений, которые решили исход боевых действий. Прибыв в северную Галлию, Констанций Хлор быстро захватил Гезориак (Булонь), подойдя к этому городу с суши, ибо Ла-Манш находился под контролем флотилий Караузия. Вскоре пал и Ротомаг (Руан). Караузий, находившийся в это время в Британии, оказался в том же положении, в котором в 1204 г. окажется английский король Иоанн Безземельный, в мгновение ока потерявший свои нормандские владения. Против Караузия возник заговор, лидером которого стал один из его офицеров по имени Аллект. Аллект заколол Караузия, подражая в этом, без сомнения, Диоклетиану, и провозгласил себя императором¹⁹. Впрочем, теперь реальная власть Аллекта распространялась лишь на территорию Британии, ибо северная Галлия была безвозвратно потеряна. Клады золотых ауреусов Аллекта, найденные в последние годы, свидетельствуют как минимум о серьезных финансовых возможностях нового «британского» императора, а следовательно, и о его достаточно высоком военном потенциале.

Констанций Хлор провел, вероятно, несколько военных походов против франков — союзников Караузия и Аллекта в районе Шельды, на территориях современных Бельгии и Нидерландов. Результаты этих походов были блестящими и прославили римское оружие [Pan Lat. IV. 8. 1–4]. Затем Констанций Хлор разгромил хамавов и фризов, перенес боевые действия на правый берег Рейна и покорив современную территорию Голландии [Pan Lat. IV. 9. 3]. Только в 296/297 г. Констанций Хлор смог добиться перелома в борьбе против Аллекта. В то время как сам Констанций Хлор находился вместе с вновь построенными кораблями в Гезориаке (Булони), префект Констанция Хлора Юлий Асклепидот незаметно вышел со своей эскадрой из устья Сены и направился прямо через Ла-Манш к побережью Британии. Тем самым Констанций Хлор смог ввести в заблуждение командиров флотилии Аллекта, которая дрейфовала

¹⁹ Casey P.J. Carausius and Allectus: The British Usurpers. London, 1994. P. 29–128.

восточнее острова Уайт у побережья Кента и ожидала выхода флота Констанция Хлора из Гезориака [Pan Lat. IV. 14. 4–5].

Эскадра Юлия Асклепиодота смогла подойти к побережью Британии западнее от острова Уайт. Затем префект произвел скрытую высадку своих войск. Вскоре он атаковал и разбил войска Аллекта где-то на территории современного графства Гемпшир²⁰. Сам узурпатор пал в бою. После этого в Британию переправились основные силы Констанция Хлора и вступили в Лондинию [Pan. Lat. IV. 11]. В память об этом событии монетный двор в Трире отчеканил золотой медальон, более известный как медальон из Арраса, обнаруженный в составе «Боранского клада» при проведении земляных работ в 1922 г.

Режим первой тетрархии, установленный Диоклетианом в 293 г., не привел к прекращению мятежей и локальных узурпаций в провинциях. Примерно в 297 г. в Северной Африке началось восстание пяти племен, или квинквегентанов, во главе с неким Юлианом. О характере этого восстания известно мало, однако, вероятно, оно было каким-то образом связано с манихеями. Прибыв в Карфаген, Диоклетиан начал широкомасштабные репрессии против манихеев, усматривая в них персидских агентов, а в это время на Востоке уже началась новая широкомасштабная война с Сасанидами. Восстание квинквегентанов было подавлено к 298 г. Юлиан, по словам Псевдо-Аврелия Виктора, пронзил себя мечом и бросился в огонь [P. Aur. Vict. XXXIX. 4]. В это же самое время, летом 297 г. против Диоклетиана поднял восстание префект Египта Луций Домиций Домициан, который был также провозглашен императором. Диоклетиан вынужден был высадиться в Египте во главе отборных вексилляций и легионов, переброшенных из балканских провинций, а затем осадил Александрию. В декабре 297 г. Домициан скончался в своей осажденной столице, назначив преемником корректора Аврелия Ахиллея. Ахиллей продолжал оборонять город, но затем, летом 298 г., когда все продовольственные запасы подошли к концу, был вынужден сдаться Диоклетиану и был казнен. Мятеж в Египте продемонстрировал Диоклетиану и его цезарю Максимиану Галерию всю шаткость положения центральной власти в восточных

²⁰ Банников А. В. На пути к Адрианополу. СПб., 2017. С. 5–15.

провинциях накануне подготовки решающего наступления против персов. Александрийцы стремились к определенной автономии еще со времен Каракаллы (211–217), который обрушил на жителей города жестокий террор [Cass. Dio LXXVIII: 22. 1–3; 23, 1–4; Euseb. HE VI. 19, 16]. Поэтому отпадение александрийцев от Рима в период существования Пальмирского царства и новый мятеж Домициана и Ахиллея продолжали давнюю традицию соперничества древнего города Клеопатры с императорской властью. Согласно Прокопию Кесарийскому, после подавления восстания Диоклетиан переселил блеммиев и другие нубийские племена на юг Египта, в Элефантину, и установил там границу империи [Procop. BP I. 19. 29–32].

В 293 г. в Медиолане на совещании с Максимианом Геркулием Диоклетиан установил новую политическую систему тетрархии. Отныне империя должна была управляться Диоклетианом и Максимианом Геркулием, сохранявшими титул августов, а также их младшими соратниками — Констанцием Хлором и Максимианом Галерием, получавшими титул цезарей. Сам Диоклетиан сохранил за собой в непосредственном подчинении Восток: Азию, Понт, Сирию, Аравию и Египет. Его новоиспеченный младший соправитель — цезарь Максимиан Галерий — получил Фракию, Мезию и Паннонию. Максимиан Геркулий сохранил за собой Италию, Африку и Испанию, а его младший соправитель, цезарь Констанций Хлор, получил Галлию и Британию. Создание новой системы было скреплено брачными союзами: Галерий женился на дочери Диоклетиана Галерии Валерии, разведясь со своей предыдущей женой, а Констанций Хлор взял в жены дочь или падчерицу Максимиана Геркулия Феодору, оставив наложницу Елену.

История Флавии Елены, матери Константина Велико-го, с нашей точки зрения имеет непосредственное отношение к творчеству византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. Скандальные описания наиболее пикантных подробностей личной жизни восточноримской императрицы Феодоры до ее знакомства с Юстинианом в «Тайной Истории» Прокопия (Procop. Anec. IX. 10–16; 18; 20–25) напоминают аналогичные описания оргий из биографии императора Гелиогабала, приписанной Элию Лампридию (SHA Heliogabalus V. 3–5; VIII. 6). Данное обстоятельство может свидетельствовать о знакомстве

Прокопия Кесарийского или его информаторов с позднеримской исторической литературой IV в. Как полагал Рональд Сайм, биографии римских императоров из «Истории Августов» были тесно связаны с литературным влиянием Аммиана Марцеллина²¹. Таким образом, если Прокопий при написании биографии императрицы Феодоры в «Тайной Истории» вдохновлялся теми или иными фрагментами биографии Гелиогабала Элия Лампридия из «Истории Августов», он мог также заимствовать для описания походов Феодоры различные эротические эпизоды из утраченной части деяний Аммиана Марцеллина, в которых описывалась молодость императрицы Елены. Если принять гипотезу Тимоти Барнса относительно структуры сочинения Аммиана Марцеллина, можно предположить, что Прокопий заимствовал эти эпизоды из 5–6-й книг труда Аммиана²². С нашей точки, зрения подобные эпизоды могли содержать скабрёзные описания личной жизни императрицы Флавии Елены, матери Константина Великого. Неслучайно языческий историк Зосим, как писатель, подражавший современнику Аммиана Марцеллина, язычнику Евнапию, называет Елену блудницей (Zosim. II. 8. 9), до знакомства с Констанцием Хлором промышлявшей на постоялом дворе своего отца в городе Дрепан Вифинский. О Дрепане как о родине матери Константина Великого упоминает также сам Прокопий в трактате «О постройках» (Procop. De aed. V. 2. 1), что только подтверждает его знакомство с бурной биографией Елены. Именно этой биографией, вероятно, объясняется то, что Елена так и осталась конкубиной Констанция Хлора (Euseb. Chron. 310), о чем свидетельствует его брак *per confariationem* с дочерью Максимиана Геркулия Феодорой. Диоклетиан задумал организовать тетрархию как политический режим, основанный на принципе меритократии, который к тому же претендовал на особое покровительство древнеримских богов. Гречанке и бывшей гетере Елене не было места в этой системе.

Вместе с тем, как полагают современные исследователи, в действительности первая тетрархия была не разделом

²¹ *Syme R. Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 41.

²² *Barnes Th. D. Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1998. P. 28.

империи на сферы политического влияния, что произойдет только при образовании второй тетрархии в 305 г., а лишь распределением военного командования, что позволяло эффективнее бороться как с узурпаторами в провинциях, так и с варварами на границах²³.

Благодаря новой системе, к управлению провинциями были привлечены наиболее талантливые и способные военачальники, а офицерство увидело, что добиться участия в политической жизни можно легальным путем, не прибегая к военным мятежам и переворотам. Диоклетиан осуществил административную реформу, разбив старые крупные провинции на более мелкие диоцезы, которые объединялись в четыре префектуры: Галлия, Италия, Иллирик и Восток. При помощи этой реформы Диоклетиан стремился создать более эффективную систему сбора налогов. Кроме того, Диоклетиан установил новую систему набора новобранцев посредством конскрипции, а также учредил централизованные фабрики по производству вооружения²⁴. Уже очень скоро результаты реформ проявили себя и привели к серьезному увеличению численности римской армии и укреплению империи, которая вышла из десятилетий кризиса и вновь заставила трепетать своих многочисленных противников. Одним из важнейших военно-политических шагов Диоклетиана и его младшего соправителя цезаря Максимиана Галерия после 293 г. стала серия войн, которые могли быть неплохой боевой школой для молодого сына цезаря Констанция Хлора, причисленного Диоклетианом к свите Максимиана Галерия в начале 290-х гг.

²³ Kolb F. Die Gestalt des spätantiken Kaisertums unter besonderer Berücksichtigung der Tetrarchie // *Usurpationen in der Spätantike: Akten des Kolloquiums «Staatsstreich und Staatlichkeit»* / Hrsg. v. F. Paschoud, J. Szidat. Stuttgart: Franz Steiner, 1997. S. 35–46; Martin J. Das Kaisertum in der Spätantike // *Ibid.* S. 47–62; Duval N. Les résidences impériales: leur rapport avec les problèmes de légitimité, les partages de l'Empire et la chronologie des combinaisons dynastiques // *Ibid.* P. 127–154; Barnes T. *Constantine and Eusebius*. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 11–14.

²⁴ Банников А. В. Военные реформы Диоклетиана // *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире* / Сб. под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002. С. 169–182; Банников А. В. *Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия)*. СПб., 2011. С. 7–23, 64–102.

Крупнейшим военно-политическим предприятием Диоклетиана и Галерия на Востоке во второй половине 290-х годов стала новая война с сасанидским Ираном, которая велась с целью освобождения Армении от персидского владычества. К сожалению, источники не сохранили нам ни подробного описания персидской кампании Диоклетиана и Галерия, ни детального рассказа о возможном участии в этой кампании молодого Константина. Данное обстоятельство весьма странно, ибо персидская кампания Галерия имела важное значение как для восстановления позиций Римской империи на Востоке, утраченных после внезапного убийства Марка Аврелия Кара под Ктесифоном, так и для превращения Армении в римского сателлита. Непосредственной причиной войны стала попытка римлян посадить на армянский престол своего ставленника Трдата III (298–330)²⁵, представителя парфянской династии Аршакидов. Шах Нарсе (293–303) — сын грозного Шапура I (240/243–272/272) — еще задолго до захвата иранского престола истребил большую часть Аршакидов в Армении, которая была завоевана персами в 252/253 гг. и была уделом Нарсе. На рубеже 280–290-х гг. Нарсе, по всей видимости, был вовлечен в междоусобную борьбу за власть в Иране и активно использовал военные ресурсы Армении для победы над конкурентами. В 293 г., после смерти Бахрама II, Нарсе смог захватить иранский трон и умертвил своего внучатого племянника, юного Бахрама III, носившего титул «царя Сакастана»²⁶. После этого узурпатор начал готовиться к войне с римлянами, которая началась в 296/297 гг.

---

²⁵ Мы принимаем точку зрения П. Ананияна и Е. А. Мехмадиева, согласно которой Трдат III был посажен на армянский трон солдатами Диоклетиана в 298 г., а христианство принял при Константине, в 314 г. Следовательно, до 298 г. Армения оставалась персидской сатрапией. 287 г. как дата воцарения Трдата представляет собой ошибку Моисея Хоренского. См.: *Ananian P. Le date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore // Le Muséon. Vol. 74. N. 1–2. 1961. P. 73; N. 3–4. 1961. P. 343–344; Мехмадиев Е. А. Армения и Римская империя в начале IV в.: проблема межгосударственных отношений в эпоху правления армянского царя Трдата III // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и раннего Нового Времени. СПб., 2015. Вып. 12. С. 111–133.*

²⁶ *Лукоцин В. Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. С. 101–123.*

Диоклетиан направил против персов армию под командованием Галерия, которому теперь предстояло стяжать лавры Домиция Корбулона. Первоначально, в 297 г., боевые действия складывались для римлян крайне неудачно. Галерий был разбит между Каррами и Каллиником (согласно другой версии, в двух битвах при Каррах, затем под Каллиником) и вынужден отступить из Армении. В наказание за этот разгром, как отмечает Евтропий, Диоклетиан заставил Галерия бежать в парадных доспехах за своей колесницей (*passuum milia purpuratus tradatur ad vehiculum cucurrisse*) [Eutr. IX, 24]. Этот же эпизод упоминается Евсевием (*Galerius Maximianus victus a Narseo ante carpentum Diocletiani purpuratus cucurrit*) [Euseb. Chron. 300] и Аммианом Марцеллином (*Augusti vehiculum irascentis per spatium mille passuum fere pedes antegressus est Galerius purpuratus*) [Amm. Marc. XIV, 11, 10]. *Purpuratus* означает в данном контексте не только пурпурный плащ цезаря, в который был облачен бегущий Галерий, а весь парадный доспех командующего, включавший мускульную кирасу, пышные птерюги, поножи, а возможно и шлем с маской.

В эту эпоху армия сасанидского Ирана, вероятно, мало изменилась со времен Арташира I Папакана (224–241). Главной силой персов по-прежнему была тяжелая конница, формировавшая дружины знатных князей, а также конные подразделения, состоявшие из иранских кочевников. Эти кочевники являлись на службу по призыву шаха. В подобных иррегулярных конных частях служили не только мужчины, но также женщины, а воины этих частей были с детства приучены сидеть верхом и проводили на коне большую часть жизни [Herodian. VI, 5, 3–4]²⁷. Это обстоятельство свидетельствует о том, что персидская армия при ранних Сасанидах, как и в Парфии, состояла преимущественно из иррегулярной конницы. Эта конница комплектовалась не только из тяжеловооруженных парфянских

²⁷ Никонов В. П. К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Сб. научных трудов. Кемерово, 1995. С. 53–61; Никонов В. П. Вооружение и военное дело в Парфии. Л., 1987. С. 21–236. (Канд. дис.);

Периханян А. Г. Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука, 1983. С. 14; Периханян А. Г. Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений» (Matakdan i hazar datastan). Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1973. С. 445.

и персидских азатов, но в значительной степени из дружин тех или иных сакских и сарматских вождей, присягнувших шаху. Подобное предположение подтверждается тем, что в этой коннице женщины служили наравне с мужчинами, что соответствует известным пережиткам матриархата у сарматов и в целом у иранских и тюрко-монгольских кочевников.

В итоге Галерий разбил персидского шаха Нарсе на пересеченной местности, захватил его гарем (Petr. Patr. Fragm. 12–13) и триумфально вступил в Ктесифон 28 января 298 г.²⁸ В плен к римлянам попали многочисленные жены персидского шаха, его сестры и дети. Нарсе запросил мира через посла Аффарвана. Как свидетельствуют дипломатические документы, сохранившиеся в истории Петра Патрикия, Галерий дал персидским послам ручательство, что жены и прочие домочадцы шаха не потерпят в плену никакого притеснения или унижения, ибо в отличие от персов, глумившихся над пленным императором Валерианом, римляне привыкли щадить побежденных [Petr. Patr. Fragm. 12]. В итоге Диоклетиан и Галерий встретились в Нисибисе, откуда отправили к Нарсе нотарию Сикория Проба, который и продиктовал шаху условия императоров. Персы должны были отказаться от всех римских территорий, захваченных при первых Сасанидах, и уйти из Армении и Иберии, признав Трдата армянским царем. Нарсе был вынужден принять условия Нисибисского договора, после чего шаху были возвращены жены и домочадцы, целомудрие которых, согласно истории Петра Патрикия, было «сохранено во всей чистоте по благородному образу мыслей императоров» [Petr. Patr. Fragm. 13]. Галерий справил триумф, в честь которого в Фессалонике была воздвигнута триумфальная арка, сохранившаяся до наших дней. В триумфе пронесли, в частности, тридцать две расшитые жемчугом одежды персидского шаха, провели тринадцать слонов с шестью возницами и двести пятьдесят коней, вероятно, арабской и ахалтекинской породы из шахских табунов [Chron. A. 354, F. 70r]. Окончание войны, вероятно, позволило Диоклетиану завершить сооружение масштабной системы укреплений, протянувшихся от Египта вдоль так называемой Царской дороги до сасанидской границы. Византийский хронист Иоанн

²⁸ Barnes Th. D. Constantine. P. 52.

Малала в VI в. составил краткое описание этих укреплений, получивших название *Strata Diocletiani*, вдоль которых были размещены форты с солдатами лимитанами и стелы в честь Диоклетиана и Галерия [Mal. XII. 409]. Ритор Лактанций, бедный учитель Криспа, старшего сына Константина [Euseb. Chron. 329], отмечает, что после победы над персами Галерий был упоен собой и начал вести себя по отношению к Диоклетиану не только независимо, но и с известным вызовом [Lact. de morte IX. 7–9]. Подобное поведение предопределило будущие драматические события, связанные с началом «великого гонения» на христиан в 303 г.

Как справедливо указывают Тимоти Барнс и Франц Дюнцль, к концу III в. христианство представляло собой отнюдь не маргинальную группу религиозных диссидентов в духе романа Генриха Сенкевича «Камо грядеши», а было влиятельной общественной группой, к которой принадлежали представители высших классов²⁹. Первые попытки легализации христианства были предприняты еще в 230-е гг. Александром Севером (222–235) и его матерью, императрицей Юлией Маммеей. Юлия Маммея встречалась в Антиохии со знаменитым Оригеном, который изъяснял ей Священное Писание [Euseb. HE VI. 21. 3]. Эта «благочестивая», по словам Евсевия, женщина хотела включить Иисуса Христа в пантеон римских богов и героев. Юлия Маммея ориентировалась в своей религиозной политике на пример своего племянника — императора Гелиогабала (218–222), который добавил в римский пантеон эмесского бога Хели-Габала и объявил себя верховным жрецом этого сирийского божества, присвоив себе его имя [Cass. Dio LXXX: 11. 1–2; Herodian. V. 3. 4–6]³⁰. Если подобная легализация была возможна в случае с местным эмесским культом, почему она была невозможна в случае с христианством, которое имело значительно большее число последователей по всей империи?

²⁹ Barnes T. Christentum und dynastische Politik (300–325) // Usurpationen in der Spätantike. S. 99–110; Dünzl F. Fremd in dieser Welt? Das frühe Christentum zwischen Weltferne und Weltverantwortung. Freiburg im Breisgau, 2015. S. 183–303.

³⁰ Dal Covolo E. I Severi e il cristianesimo. Un decennio di ricerche (1986–1996) // ANIG. 1999. № 9. P. 43–51.

По мнению современных исследователей, именно в царствование Александра Севера происходит окончательное формирование внутренней структуры христианских общин, в частности, определяется и приобретает характер институции трехчастная иерархия, иными словами клир, который резко отделяет себя от массы лаиков. Не исключено, что как раз в эту эпоху и были написаны знаменитые послания, приписанные Игнатию Антиохийскому, в которых отстаивался принцип монархического епископата и описывались иерархические реалии, не соответствующие церковной организации I в.³¹ Во всяком случае Деяния апостолов свидетельствуют о том, что в I в. трехчастная иерархия еще не сформировалась, функции пресвитеров и епископов не различались: пресвитеры возглавляли общины иудео-христиан, епископы — общины из язычников-прозелитов, а диаконы имели несравненно большее значение для повседневной жизни общины, чем епископы. Как пресвитеры, так и епископы избирались общиной. Остатки этого раннехристианского равенства пресвитеров и епископов сохранялись в виде рудимента даже в IV в. и выражались, в частности, в порядке хиротонии александрийского епископа, на которого возлагали руки городские пресвитеры. Точно так же еще в начале IV в. в некоторых христианских общинах диаконы (а, следовательно, и диакониссы) имели право совершать евхаристию, что было запрещено только на соборе в Арле в 314 г.³² Диаконы Римской церкви пользовались равными привилегиями с пресвитерами³³, что также отражало древнейший уклад жизни местной христианской общины.

После убийства Юлии Маммеи и Александра Севера солдатами в 235 г. [Herodian. VI. 9. 3–7; SHA Alexander Severus LXI. 1–8] процесс христианизации очевидным образом застопорился. Хотя Евсевий и Аноним Валезия сообщают нам о симпатиях к христианству императора Филиппа Аравитянина (244–249) [Euseb. HE VI. 34; Anon. Val. I. VI. 33], преследования христиан, инициированные преемниками Филиппа, прекратились только

³¹ Foster P. The Epistles of Ignatius of Antioch // The Expository Times. London, 2006. Vol. 117. 12. P. 487–495; Vol. 118. 1. P. 2–11.

³² Hefele Ch. J., Leclercq H. Histoire des conciles d'après les documents originaux. Paris. 1907. T. I. Par. 1. P. 291.

³³ Ibid. P. 293.

с приходом к власти Галлиена. В 260 г. Галлиен легализовал христианство, которое во второй половине III в. превратилось во влиятельную силу, особенно на территории восточных провинций. На протяжении большей части правления Диоклетиана христианство исповедовали не только многочисленные солдаты, офицеры и придворные чины, но даже жена Диоклетиана императрица Приска и их дочь Галерия Валерия, ставшая женой цезаря Максимиана Галерия [Euseb. HE VIII. 1. 3]. Как отмечает Лактанций, именно жену и дочь Диоклетиана заставил первыми принести языческие жертвы в начале «великого гонения» 303 г. [Lact. de morte XV. 1].

Ключевым и поворотным этапом в жизни Диоклетиана стали драматические события, вероятно, произошедшие в начале 303 г., с которыми, по мнению Тимоти Барнса, было связано последующее изменение политики Диоклетиана по отношению к христианству и кровопролитные преследования христиан, непосредственно развязанные Галерием и его приближенными³⁴. С точки зрения исследователя, в начале 303 г. или возможно, несколько ранее тетрархи встретились в Риме и, имея в виду начавшуюся болезнь Диоклетиана и его грядущую отставку, приняли решение о правопреемстве власти, опираясь на династический принцип.

Диоклетиан убедил Макимиана Геркулия отречься от власти. На смену Диоклетиану и Максимиану Геркулию должны был прийти зять Диоклетиана Максимиан Галерий и зять Максимиана Геркулия Констанций Хлор, а цезарями при них должны были стать сын Максимиана Геркулия Максенций и сын Констанция Хлора Константин. Подобное решение съезда тетрархов 303 г. спровоцировало негативную реакцию Галерия, который хотел иметь при себе на Востоке цезаря из числа собственных приближенных. Результатом этой негативной реакции и стали гонения на христиан, инспирированные Галерием, который увидел в христианах, прежде всего в солдатах и офицерах своей армии, исповедующих христианство, «пятую колонну», агентов влияния своего потенциального противника — Констанция Хлора.

---

³⁴ Barnes T. Christentum und dynastische Politik (300–325) // Usurpationen in der Spätantike. S. 99–110.

Несмотря на то что христианство было гораздо более распространено в восточных провинциях империи, нежели в западных, и в армии эта пропорция была точно такой же³⁵, однако терпимое и, вероятно, даже благожелательное отношение к христианству Констанция Хлора [Euseb. VC I. 17] подрывало политические позиции Галерия на подконтрольной ему территории. В случае борьбы за власть между Галерием и западным августом, которая после отставки Диоклетиана становилась практически неизбежной, солдаты Галерия из числа христиан могли в любой момент перейти на сторону его противников. В результате Галерий убедил больного Диоклетиана инициировать гонение на христиан в марте 303 г. [Euseb. HE VIII. 2, 4]. Репрессии против христиан развернулись несмотря на то, что влияние христианства в обществе на протяжении большей части правления Диоклетиана только возрастало [Euseb. HE VIII. 1, 1–3]. Как подчеркивает современник событий Евсевий, гонение началось именно в армии [Euseb. HE VIII. 1. 7; VIII. 4. 2], очистить которую от христианских офицеров и солдат в преддверии гражданской войны стремился Галерий. Солдаты и офицеры христиане в некоторых провинциях, например в Мелитене и Сирии, оказали вооруженное сопротивление террору, вследствие чего гонение вскоре приобрело массовый характер [Euseb. HE VIII. 6. 8–9].

Впоследствии Константин, вспоминая о событиях 303 г., возлагал ответственность за начало гонения исключительно на Диоклетиана, который был осведомлен о добродетельном образе жизни христиан от офицеров личной гвардии (преторианцев) и несмотря на это обстоятельство инициировал гонение [Euseb. VC II. 51]. Сообщение Константина отчасти подтверждает Лактанций, который сообщает, что во время пребывания в Никомедии Диоклетиан был разгневан на офицеров и солдат христиан из состава императорской гвардии после того, как Тагис, старший гаруспик, пожаловался императору на то, что гаруспиции срываются из-за христиан, которые осеняют себя крестным знаменем [Lactan. de morte. X]. Подобная деталь

---

³⁵ *Haensch R.* La christianisation de l'armée romaine // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Acte du Congrès de Lyon, par Yann le Bohec et Catherine Wolf. Lyon. 2004. P. 525–531.

характеризует вспыльчивость Диоклетиана и подтверждает воспоминание Константина о том, что Диоклетиан был знаком с христианством и, по-видимому, вполне лоялен к христианам до определенного момента, связанного с усилением политического влияния Галерия.

Два года спустя, в начале 305 г., Диоклетиан, по свидетельству Лактанция, угнетаемый тяжелой болезнью, прекратил преследования христиан на подконтрольной ему территории [Lact. de morte XVII], в мае 305 г. объявил о сложении с себя полномочий августа, а также убедил Максимиана Геркулия последовать его примеру. Трудно найти прецеденты подобных событий в римской истории. Римские императоры часто становились жертвами политической борьбы и гражданского противостояния, как, например, Нерон и его ближайшие преемники, Коммод и Пертинакс, Каракалла, Гелиогабал и Александр Север, не говоря уже о «солдатских» императорах III в. Однако даже самым образованным историкам трудно было бы припомнить, чтобы римский император сам отказался от власти и, подобно консулам Римской республики, по доброй воле сделался, как говорили римляне, частным человеком.

После добровольной отставки Диоклетиана и Максимиана Геркулия 1 мая 305 г. августами были провозглашены Максимиан Галерий на Востоке и Констанций Хлор на Западе. Но вдруг, неожиданно Диоклетиан и Галерий объявили цезарями не Константина с Максенцием, а друга и сослуживца Галерия, Флавия Севера, и племянника Галерия Максимиана Дазу. По свидетельству Лактанция, это произошло скандально и не было предусмотрено сторонниками Константина, который незадолго перед этим получил устные обещания Диоклетиана, что цезарем Запада станет именно он (Константин) [Lact. de morte XVIII. 10–15; XIX. 1–5]. Сперва солдаты Константина в смятении подумали, что Константин сменил имя. А затем они увидели, как Галерий оттолкнул Константина и вывел Максимиана Дазу, облаченного в пурпур, на всеобщее обозрение.

Как полагал Тимоти Барнс, соглашение Диоклетиана с Галерием, заключенное в апреле 305 г., не соответствовало решениям тетрархов, принятым на съезде в начале 303 г. В этих новых обстоятельствах Константин стал явно тяготиться своей службой в свите Галерия и, как сообщают источники, стремился

покинуть восточные провинции и отправиться к отцу. Констанций Хлор, ставший августом, не только обрел верховную власть над западными провинциями, но, по словам Евтропия, еще и избавился от «опасного благоразумия Диоклетиана» (*Diocletiani suspectam prudentiam*) [Eutr. X. 1. 3]. Вероятно, именно это опасное благоразумие заставило Диоклетиана в последний момент изменить решение о правопреемстве власти и побудило его пойти на поводу у Галерия. Знаменитый дворец Диоклетиана располагался не в галльских владениях Констанция Хлора, а в Сплите, на территории Галерия, чем и объясняется соглашательство Диоклетиана со своим бывшим цезарем. Как бы там ни было, Констанций Хлор подтвердил свое согласие с перераспределением титулов и властных полномочий. Он приказал отчеканить на монетном дворе в Трире золотую медаль в память об образовании второй тетрархии 305 г. Один из экземпляров этой медали был подарен Кабинету медалей Французской национальной библиотеки мексиканским коллекционером Карлосом де Бейстеги. Возможно, что этот экземпляр также происходит из «Боранского клада», значительная часть которого была расхищена в 1922 г. бельгийскими рабочими.

Галерий препятствовал отъезду Константина к отцу, который после того, как Констанций Хлор сделался августом, превратился в ценного заложника в предстоящей политической борьбе. В том, что вторая тетрархия окажется еще менее долговечной, чем первая, и завершится очередной борьбой за власть, не сомневался никто. Нам доподлинно не известно, сумел ли Константин каким-либо образом убедить Галерия в необходимости собственного отъезда к отцу или же его отъезд носил характер побега. По-видимому, более вероятен именно второй вариант, ибо Константин во время своего путешествия был вынужден перед каждой станцией убивать почтовых лошадей, дабы задержать своих преследователей [Anon. Val. I. II. 4; Aur. Vict. XL. 2; Ps. Aur. Vict. XLI. 2]. Анекдот, рассказанный Праксагором Афинским, о том, как Константин победил дикого льва, натравленного на него Галерием, вероятно, следует отнести к области более поздних придворных легенд [Phot. Bibl. Cod. 62]. Таким образом, Константин добрался до Галлии, а затем сел на корабль и переплыл в Британию, где в это время находился его отец. По свидетельству Евсевия, встреча Констанция Хлора

и Константина после длительной разлуки была довольно теплой [Euseb. VC I. 21]. В Британии Константин познакомился со своими юными единокровными братьями и сестрами — детьми Констанция Хлора от Феодоры³⁶. Констанций совершил военную экспедицию против пиктов и скоттов, в которой участвовал и Константин [Euseb. VC I. 8]. Вполне вероятно, что Констанций внезапно умер в июле 306 г. именно во время этой экспедиции. Его сын, заменивший отца в должности командующего, тотчас был поднят на щит и провозглашен августом солдатами британских легионов и аламаннскими ауксулиями короля Крока [Euseb. VC I. 22]. Узнав о событиях, произошедших в Британии, Галерий отказался признать Константина равноправным себе и дал свое согласие лишь на то, чтобы Константин довольствовался титулом цезаря.

Галерий объявил августом Запада своего друга, цезаря Флавия Севера. Однако три месяца спустя в Риме, 28 октября 306 г., солдаты преторианской гвардии провозгласили принцем Максенция [Aug. Vict. XL. 5], сына Максимиана Геркулия, который был женат на дочери Галерия Валерии Максимилле. Максимиан Геркулий немедленно вернулся в Рим, чтобы оказать помощь сыну и вернуть себе верховную власть. Год спустя Максенций, не дождавшийся признания Галерием своего нового титула, объявил себя августом. Эти события сделали неизбежной гражданскую войну между тетрархами. После разгрома войск Флавия Севера в Италии Максимианом Геркулием и его гибели в плену последовала неудачная осада Рима армией Галерия, который, по словам Лактанция, никогда не бывал в Риме и представлял себе периметр римских стен по образцу небольших месопотамских городов, которые ему доводилось осаждать во время войны с персами [Lact. de morte XXVII. 2]. Потерпевший поражение Галерий был вынужден созвать новый съезд тетрархов, который состоялся 11 ноября 308 г. в Карнунте — римском военном лагере, расположенном на пересечении Янтарного пути с Дунаем. В работе съезда принял активное участие и Диоклетиан, вызванный Галерием из своего знаменитого дворца в Сплите. Съезд принял решение избрать августом вместо Флавия Севера, задушенного в плену,

³⁶ Банников А. В. Путь Константина. СПб., Евразия, 2021. С. 20–21.

Лициниана Лициния, бывшего сослуживца Галерия. Максимиан Геркулий должен был отказаться от претензий на императорскую власть, а его сын Максенций был объявлен узурпатором. Константин и Максимин Даза вместо прежнего титула цезаря получили новый титул «сыновей августа».

Таким образом, был деформирован и искажен фундаментальный принцип тетрархии, задуманной Диоклетианом как распределение военного командования при условии соблюдения четкой субординации между августами и цезарями. Новый титул Константина и Максимиана Дазы формально легализовал их претензии на верховную власть в подвластных провинциях. Известно, что в ответ на предложения Максимиана Геркулия и Галерия вернуться к власти, которые звучали как до, так и во время съезда в Карнунте, Диоклетиан ответил знаменитой крылатой фразой: «О, если бы вы могли увидеть выращенные нашими руками в Салоне овощи, вы бы сказали, что мне этого никогда не следовало бы делать!» (*Utinam Salonae possetis visere olera nostris manibus instituta, profecto numquam istud temptandum iudicaretis*) [Ps. Aur. Vict. XXXIX. 6] По мнению ряда ученых, тем самым Диоклетиан предпринял отчаянное усилие, чтобы сохранить тетрархию, пусть даже и в измененном виде, и гарантировать регулярную смену власти в империи. Но порыв Диоклетиана не был оценен современниками.

После смерти Галерия в начале мая 311 г. гражданские войны между тетрархами возобновились. Уже в 312 г. Константин со своей сорокатысячной армией перешел через Альпы и атаковал Максенция на территории Италии, а Лициний, женившийся на сестре Константина Констанине, начал военные действия на Востоке против Максимиана Дазы. Жертвой этого нового этапа гражданских войн в итоге стала семья Диоклетиана — его жена императрица Приска и дочь Галерия Валерия, убитые по приказу Лициния [Lact. de morte LI. 1]. Если же верить Псевдо-Аврелию Виктору, жертвой гражданских войн стал и сам бывший император. Диоклетиан будто бы принял яд в своем знаменитом дворце 3 декабря 311 г., дабы не попасть в руки победителей — Константина и Лициния [Ps. Aur. Vict. XXXIX. 7].

Император Диоклетиан может считаться одним из наиболее успешных узурпаторов в римской истории. Придя к власти,

подобно многим «солдатским» императорам, в результате кровавого переворота, Диоклетиан не только сумел подавить мятежи других узурпаторов в провинциях империи, но и провел комплекс реформ, которые на короткий период позволили вывести империю из затяжного кризиса. Однако система тетрархии, созданная Диоклетианом, оказалась не эффективна и спровоцировала новые гражданские войны в государстве после оставления Диоклетианом престола. Успехи первой половины правления Диоклетиана сменились серьезным финансовым кризисом, который, по словам Аврелия Виктора, привел не только к сокращению преторианской гвардии, но и солдат полевой армии [Aur. Vict. XXXIX. 47]. Жестокие гонения против христиан, начатые в 303 г. больным Диоклетианом под давлением Галерия, с объективной точки зрения подрывали авторитет его креатур в восточных провинциях и тем самым способствовали конечной победе Константина в гражданских войнах тетрархов. Когда поздней осенью 306 г. вернувшийся в Рим Максимиан Геркулий в письмах убеждал Диоклетиана вновь принять верховную власть, тот лишь посмеялся над подобным предложением (*quas ille irrisas habuit*) [Eutr. X. 2. 3].

Диоклетиан стал вторым римским императором после Аврелиана, который не просто был обожествлен в соответствии с римской традицией, но открыто провозгласил себя живым богом как эманацией божества [Euseb. Chron. 296], тем самым попытавшись придать своей узурпации сакральный характер. С точки зрения христианских современников Диоклетиана, Лактанция и Евсевия, подобная языческая сакрализация императорской власти была проявлением нечестия императора, на смену которому вскоре пришел справедливый и богобоязненный император Константин. С точки зрения язычников, писавших о Диоклетиане спустя много десятилетий, — Аврелия Виктора, Евтропия и, возможно, Аммиана Марцеллина, — обожествление Диоклетиана было религиозным обоснованием адорации императора, заимствованной у персов, которая стала при Диоклетиане выражением новой римской политической идеологии.

Обожествление Диоклетианом и его преемниками самих себя рассматривалось Лактанцием и Евсевием как осознанное богоборчество. Претендуя на божественность, Диоклетиан

выдавал себя за того, кем не был по природе. Слова Лактанция, адресованные Диоклетиану и вынесенные в качестве первого эпиграфа настоящей статьи, с нашей точки зрения, в полной мере отражают отношение к Диоклетиану самого Константина после его идейного обращения в христианство. Евсевий сообщает, что Константин, вспоминая о Диоклетиане в период своего единоличного правления (то есть после расправы над Лицинием в 324 г.), называл Диоклетиана «одним, имевшим в то время первенство среди римских автократоров, жалким, истинно жалким, и заблудшим душой человеком» (ὁ κατ' ἐκεῖνο καιρῷ παρὰ τοῖς Ῥωμαίων αὐτοκράτορσιν ἔχων τὰ πρωτεῖα, δειλαῖος, ἀληθῶς δειλαῖος, πλάνη τὴν ψυχὴν ἠπατημένος) [Euseb. VC II. 51]. Эта уничижительная характеристика Диоклетиана, данная Константином и сохранившаяся благодаря Евсевию, содержит в себе важную антиномию: Диоклетиан, занимавший первое место в тетрархии, в действительности оказался жалким и заблудшим ничтожеством и, следовательно, занимал место, ему никоим образом не подобающее, то есть был самозванцем. Учитывая ключевое значение творчества Евсевия для развития последующей византийской историографии, следовало бы признать, что приведенные историком слова Константина о Диоклетиане стали блестящим определением, характеризующим основателя тетрархии как предтечу византийского самозванчества.

И вместе с тем попытка Диоклетиана утвердить в рамках тетрархии принцип меритократии создавала важный прецедент, который — осознанно или неосознанно — повлиял на более позднюю политическую традицию византийского самозванчества независимо от оценки личности Диоклетиана Евсевием. Лже-Феодосий, Лже-Тиберий, Фома Славянин, Лже-Михаил Дука, Лже-Диогены и прочие авантюристы, которые брались за оружие, выдавая себя за тех, кем они в действительности не являлись, тем самым бросали вызов византийскому государству, позабывшему о принципе меритократии, заложенном в его основу при Диоклетиане.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Банников А. В.* Военные реформы Диоклетиана // Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире / Сб. под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2002.
- Банников А. В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011.
- Банников А. В.* На пути к Адрианополю. СПб., 2017.
- Банников А. В.* Путь Константина. СПб., Евразия, 2021.
- Дмитриев А. Д.* Движение багаудов // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 101–114.
- Лукониц В. Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969. *Мехмадиев Е. А.* Армения и Римская империя в начале IV в.: проблема межгосударственных отношений в эпоху правления армянского царя Трдата III // Проблемы социальной истории и культуры Средних Веков и раннего Нового Времени. СПб., 2015. Вып. 12. С. 111–133.
- Негин А. Е.* Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб., 2010.
- Никонов В. П.* Вооружение и военное дело в Парфии. Л., 1987. С. 21–236. (Канд. дис.).
- Никонов В. П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Сб. научных трудов. Кемерово, 1995.
- Периханян А. Г.* Сасанидский судебник. «Книга тысячи судебных решений» (Matakdan i hazar datastan). Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1973.
- Периханян А. Г.* Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды. М.: Наука, 1983.
- Соколов Ю. А.* Империя и христианство: Римский мир на рубеже III–IV веков. Последние гонения на христиан и Миланский эдикт. СПб., Издательство СПбДА. 2014.
- Ananian P.* Le date e le circostanze della consecrazione di S. Gregorio Illuminatore // Le Muséon. Vol. 74. N. 1–2. 1961. P. 73; N. 3–4. 1961. P. 343–344.
- Barnes T.* Constantine and Eusebius. Cambridge: Harvard University Press, 1981.
- Barnes T.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge: Harvard University Press. 1982.
- Barnes T.* Ammianus Marcellinus and the Representation of Historical Reality. Ithaca and London: Cornell University Press, 1998.
- Barnes T.* Constantine. Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. *Casey P. J.* Carausius and Allectus: The British Usurpers. London, 1994.
- Cribb J.* The Kushan pantheon, in Gandhara: The Buddhist Heritage of Pakistan: Legends, Monasteries and Paradise, by C. Luczanits. Mainz, 2008.
- Dal Covolo E.* I Severi e il cristianesimo. Un decennio di ricerche (1986–1996) // AHlg. 1999. № 9. P. 43–51.
- Dumézil G.* La religion romaine archaïque avec un appendice sur la religion des Étrusques. Paris, 1974.
- Dünzl F.* Fremd in dieser Welt? Das frühe Christentum zwischen Weltedistanz und Weltverantwortung. Freiburg im Breisgau, 2015.
- Haensch R.* La christianisation de l'armée romaine // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Acte du Congrès de Lyon, par Yann le Bohec et Catherine Wolf. Lyon, 2004. P. 525–531.
- Hefele Ch. J., Leclercq H.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. Paris. 1907. T. 1. Par. 1.

- Hensen A.* Mithras. Der Mysterienkult an Limes, Rhein und Donau. Darmstadt, 2013.
- Homo L.* Essai sur le règne de l'empereur Aurélien (270–275). Paris, 1904.
- Jones A. H. M.* The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 1.
- Kemkes M., Willburger N.* Der Soldat und die Götter. Römische Religion am Limes. Esslingen am Neckar, 2004. *Kittenhof E.* Die syrischen Augustae in der historischen Überlieferung // Ein Beitrag zum Problem der Orientalisierung. Bonn, 1971.
- Margetić D., Margetić D.* Antoninijani Julijana Panonskoga // Numizmatičke Vijesti. 2010. 63. P. 10–38.
- Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- Thorsten F. J.* I. von Pannonien. Überlegungen zu Chronologie und Münzprägung // Geldgeschichtliche Nachrichten. 2003. № 212. S. 61–64.
- Usurpationen in der Spätantike: Akten des Kolloquiums «Staatsstreich und Staatlichkeit» / Hrsg. v. F. Paschoud, J. Szidat. Stuttgart: Franz Steiner, 1997.
- Watson A.* Aurelian and the Third Century. London; New York, 1999.

Emperor Diocletian as the forerunner of the Byzantine imposture

Mitrofanov Andrey Y.

Doctor of Historical Sciences,

Doctor of History, Archeology and Arts at Louvain Catholic University,

Professor of the Department of Church History at St. Petersburg Theological Academy,

Full Member of the Barsov Society for the Study of Church Law of St. Petersburg

Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

non-recuso-laborem@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5365-1577>

FOR CITATION: *Mitrofanov A. Y.* Emperor Diocletian as the forerunner of the Byzantine imposture // Bogoslov. 2024. № 2 (2). P. 200–237. DOI: 10.62847/BOGOSLOV.2024.2.1.009

ABSTRACT The article discusses the perception of the Roman emperor Diocletian in Christian literature and its relevance to the origin of the Byzantine political tradition. The author explores Diocletian's path to power and highlights key aspects of his reign. The article draws conclusions about the social nature of Diocletian's tetrarchic regime, which is understood as a military command structure rather than a political division within the empire. It also discusses the influence of Persian court culture on his political ideas and practices. Additionally, the article explores the political background leading to the «Great Persecution» in 303 and the relationship between Diocletian and Emperor Constantine during Constantine's military service under Diocletian. According to the author, Constantine participated in the 298 Persian campaign and the capture of Ctesiphon alongside Diocletian and Galerius.

KEYWORDS: Diocletian, Galerius, Constantius Chlorus, Constantine, Tetrarchy, Lactantius, Eusebius